

Проблема мультикультурализма в контексте «конфликта цивилизаций»¹

В отечественном социогуманитарном дискурсе проблема мультикультурализма стала актуальной в последние десять-пятнадцать лет. Как отмечают исследователи, понятие мультикультурализма заимствовано в середине 1990-х гг. из западного интеллектуального и социокультурного словаря наряду с разного рода другими постмодернистскими идеологиями и противопоставляется идее глобализации» [1, с. 9]. Действительно, достаточно часто глобализация и мультикультурализм выступают в качестве своего рода онтологических антонимов, олицетворяя собой общее и единичное мира, находящиеся в отношениях диалектического единства. «Две основные тенденции наших дней – глобализация и индивидуация²» [2, с. 116], – утверждает А.И. Неклесса. И еще одно уточнение: «Процессы глобализации, универсализации, доведенные до своего предела в Постмодерне, демонстрируют противоположные процессы локализации и индивидуализации <...> Личность, со своей чувственностью, человеческими особенностями, не ограниченная тоталитарностью универсальной <...> нормы, внешней по отношению к человеку, становится главным героем общества Постмодерна» [3, с. 86].

Приведенные высказывания весьма важны по той причине, что под мультикультурализмом можно понимать и многообразие культур, и многообразие субъектов, конструирующих свои собственные культурные миры. В первом случае мы будем иметь дело с классической в условиях глобализации постановкой проблемы о бытии культуры в современном мире – должна ли существовать универсальная унифицированная культура или плюрализм культур должен сохраняться. Во втором случае сразу появляются новые, причем весьма существенные нюансы. Оказывается, что культура может быть не только мировой, национальной, народной, элитарной или какой-либо еще, культура, это, казалось бы, совершенно надличностное явление, может быть предпосылкой, результатом и условием бытия одного конкретно взятого субъекта, совокупностью его мировоззренческого и жизненного опыта. Разумеется, это не означает редукции культуры к личностному опыту одного субъекта. Помимо солиптических апорий, это невозможно еще и потому, что партикулярный субъект отражает в своем

¹ Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Конфликт цивилизаций» в глобальном и региональном измерении: теоретический конструкт и эмпирическая реальность», поддержанного РГНФ, грант № 08-03-00208а.

²Индивидуация – (лат. *individuatio*), выделение единичного и индивидуального из всеобщего. – *Примеч. ред.*

индивидуальном сознании только небольшой фрагмент человеческой культуры вообще. Речь идет о том, что существовать в актуализированном виде, в качестве реально ощущаемых переживаний, в форме непосредственного материала для рефлексии культура может только в живых людях, способных к культурной деятельности как таковой. В результате этой деятельности во внутреннем мире отдельного человека создается особый микрокосмос культуры, не претендующий на манифестацию культурного мира вообще, во всей его неисчерпаемой полноте, но представляющий собой один из многочисленных вариантов культурного мировосприятия и мировыражения. В этом смысле каждый отдельный субъект может пониматься как своеобразная культурная монада, потенциально содержащая в себе мир культуры во всей его целокупности. Такая абсолютность внутреннего содержания субъекта дает ему право на самоопределение, когда проблема идентификации решается посредством самоотнесения себя с самим собой («зеркальный эффект»), а не механического, чисто пассивного и внешнего «примыкания» к какой-либо господствующей идеологии или разделяемой всеми (вольно или невольно) культурной модели жизнеустройства.

В этом отношении определенный интерес вызывают рассуждения С. Бенхабиб, одного из наиболее авторитетных исследователей, пишущих о проблеме мультикультурализма. Культура рассматривается ученым как деятельность, позволяющая человеку определить свое место в мире и идентифицировать себя с той или иной социальной общностью. Подобный подход предполагает активность самого индивида, который, во-первых, сам определяет свою культурную (равно как и национальную, религиозную и т. д.) принадлежность и, во-вторых, даже идентифицируя себя с определенной социальной группой, не редуцирует свое индивидуальное сознание до стандартизированных форм проявления групповой идентичности. С. Бенхабиб задается по существу риторическим вопросом: «Если индивидуальная воля не является достаточно авторитетной основой для идентификации, то кто же тогда располагает властью приписывать личности какой-то образ и каковы теоретические основания подобной власти?» [4, с. 164]. По сути речь идет о своего рода «культурном либерализме», когда основополагающим императивом становится право каждой отдельной личности на культурное самоопределение, на самостоятельное конструирование и конституирование мира культуры.

Понимаемый таким образом мультикультурализм является несколько радикализированным вариантом классического мультикультурализма, согласно которому мельчайшей единицей культуры выступает не отдельный субъект, а некая определенная общность, как правило, ассоциирующаяся с каким-либо меньшинством. Одно из

классических определений мультикультурализма, данное известным французским исследователем А. Туреном, звучит так: мультикультурализм – это «совокупность социального единства и культурного множества единой данной территории, на которой признаются объединяющие элементы между культурами, с одной стороны, и предполагается отсутствие возможности для одной избранной культуры олицетворять универсализм и современность» [5, с. 241]. Нетрудно заметить, что в этом определении, пусть и в имплицитной форме, просматривается возможность, скажем так, «субъектного» понимания мультикультурализма. Мы совершенно согласны с Е.Б. Павловой, анализирующей в своей статье вышеприведенное определение и делающей вывод о том, что «в самом понятии мультикультурализма заложен принцип признания культурной самобытности каждого человека, т. е. право каждого самостоятельно определять свой стиль жизни, свое видение счастья» [Там же, с. 246–247]. В принципе список появляющихся в таком случае опций можно продолжать очень долго. Главная проблема, которая возникает при подобном понимании мультикультурализма, заключается в том, каким образом можно пресечь перерастание мультикультурального самоопределения в банальный произвол, в социокультурный нарциссизм, как совместить право индивидуума на имманентную в данном случае свободу выбора и необходимость отстаивать национальные интересы своего государства. Это весьма болезненные вопросы, которые требуют отдельного изучения.

Переходя к основной проблематике данной статьи, отметим, что проблема мультикультурализма имеет непосредственное отношение к тематике «конфликта цивилизаций», хотя данный аспект практически не принимался исследователями во внимание. Важнейшим связующим звеном выступает здесь проблема самоидентификации, имеющая ключевое значение и в рамках теории мультикультурализма, и в концепции «конфликта цивилизаций», по крайней мере в ее аутентичном варианте. Как известно, классическая постановка проблемы «конфликта цивилизаций» принадлежит американскому политологу С. Хантингтону. По его мнению, главным критерием цивилизации является момент идентификации, не внешний антураж жизненного пространства, а внутренние рефлексивные процессы ментального самоопределения. Согласно С. Хантингтону, цивилизации в современном мире выступают как основные идентификаторы человека на самом высоком метафизическом уровне самоосмысления. Поскольку цивилизации как бы олицетворяют собой всю совокупность мировоззренческих идей, принципов, ориентиров, человек, задавая себе вопрос: «Кто я есть?», ищет ответ на этом предельном, цивилизационном уровне самоидентификации. Так как фундаментальные основы цивилизаций совершенно различны и даже

несовместимы, это и приводит к ситуации конфликта цивилизаций, когда ответы на вопрос «Кто я есть?», получаемые людьми различных цивилизаций, расчленяют мировое пространство на дискретные обособленные элементы и образуют те самые линии разломов между цивилизациями, о которых так много говорят в последнее время. Такова, в нескольких словах, суть хантингтоновской концепции [6, с. 33– 38].

Опираясь на вышеизложенные идеи, отметим, что каждая цивилизация обладает своим идентификационным ядром, архетипизируя человеческое сознание на уровне ментальности. Важно при этом понимать, что цивилизации имеют долгую, часто многотысячелетнюю, историю развития и, идентифицируя себя именно с данной цивилизационной системой, человек приобщается к этой истории, становится ее непосредственным участником. Причем современное, наличествующее состояние цивилизации имеет второстепенное значение – оно только детализирует то, каким именно образом происходит во многом бессознательный процесс приобщения каждого отдельного субъекта к идентификационному ядру цивилизационной системы. Особое значение эти процессы имеют для цивилизаций, ориентирующихся преимущественно на традиционные формы организации жизнедеятельности, для которых традиции и история – самое дорогое достояние. Идентификационные матрицы этих цивилизационных систем намного более устойчивы и чисты, чем в тех цивилизациях, которые в погоне за прогрессом и развитием во многом утратили как уважение к своим традициям, так и сами эти традиции. В этой связи следует отметить, что одним из ключевых оснований конфликта цивилизаций является субстанциальное противоречие между современностью и традиционностью, которые выступают в качестве важнейших цивилизационных атрибутов и предполагают совершенно разные модели личностной самоидентификации. Соответственно, в современных цивилизациях различаются перспективы реализации проекта мультикультурализма в его субъектной форме. Чтобы пояснить данную мысль, подробнее остановимся на понятиях «современность» и «традиционность» и тех моментах, которые составляют их сущностное содержание.

Чисто хронологическая ассоциация, связанная с понятиями «современность» и «традиционность», представляется явно недостаточной для характеристики их сущности. Ключевой в данном отношении является, на наш взгляд, конкретная качественная определенность этих категорий – они должны рассматриваться как понятия, помимо времени включающие в себя некую совокупность идей, принципов, идеалов, парадигмальных представлений о самых разных сферах и отношениях бытия, т. е. всего того, что обладает непосредственными идентификационными потенциями.

Современность, рассматриваемая под этим углом зрения, конструирует свой

оригинальный образ мироздания в самом широком смысле и тем самым конституирует самое себя. Наиболее существенным отличительным моментом современности является то, что внутри нее происходит практически полное совпадение реальной хронологической характеристики бытия, выраженной в конкретной дате (скажем, начало XXI века), и рефлексии наличествующей ситуации как ситуации по преимуществу идеальной, совершенной. Смысловое мировоззренческое ядро современности как качественной определенности бытия в целом имеет фундаментальный и субстанциальный характер, хотя и не до такой абсолютной степени, как в рамках традиционности. Эта неабсолютность и только относительная идеальность современности на самом деле весьма существенна, она оставляет возможность для реализации проекта мультикультурализма в его субъектном варианте. Действительно, «субъект современности» не осмысливает объективное содержание мира культуры как нечто абсолютное, он не обнаруживает в нем того идеала, перед которым непременно следует преклониться и отождествить себя с ним. Процесс самоидентификации в данном случае может быть максимально произвольным, в результате чего общество имеет возможность выйти на подлинно мультикультуральный уровень самоорганизации. Разумеется, такая мировоззренческая ситуация дополняется наличием в обществе демократических принципов и либеральных ценностей, без которых какое-либо идентификационное самоопределение было бы невозможно. Однако «политическая» составляющая мультикультурализма, связанная с разного рода либеральными свободами или, наоборот, с их отсутствием, подразумевается в данной статье как само собой разумеющееся обстоятельство.

Основной существенной характеристикой традиционности является несовпадение между реальной хронологической датировкой истории и качественной определенностью традиционности как некой абсолютно идеальной и совершенной субстанции. Идеальной и совершенной традиционность была в прошлом, когда сложились классические, как правило, религиозно детерминированные формы и способы жизнедеятельности, когда был сконструирован тот образ мироздания, который конституирует традиционность в любой момент исторического времени. В этом смысле идеи, сформулированные несколько тысячелетий назад, могут реально детерминировать жизнедеятельность в первом десятилетии XXI века, служить в качестве общеобязательных ориентиров в процессе самоидентификации. Соответственно, важнейшее значение приобретает история, которая понимается не столько как совокупность событий, пусть значимых для настоящего, но уже отошедших в прошлое, сколько в качестве самого этого настоящего и одновременно средства для увековечения достигнутого и полностью осуществленного идеала, а также субстанции самого этого идеала как такового. По существу, история вообще перестает

быть хронологической субстанцией, она превращается в хронологически нейтральную сущность, определяемую по преимуществу аксиологическими, идейными, метафизическими категориями, в строгом соответствии с которыми осуществляется конструирование мира культуры на субъектном уровне. Как следствие, проект мультикультурализма в традиционистских цивилизациях априори обречен на провал, поскольку их цивилизационный идеал уже давно достигнут и полностью присутствует в «ситуации на данный момент», и главнейшая идентификация, основной акт самоотнесения касается именно этого идеала.

Особенно очевидно это обстоятельство в условиях конфликта цивилизаций, когда любые другие способы идентификации кроме соотнесения себя с фундаментальной идеей цивилизации в ее классической форме становятся недостаточными. В этой ясности идентификации, когда традиционность в готовом виде предоставляет индивиду те идеи и принципы, с которыми он себя отождествляет, заключается одна из важных отличительных черт традиционистских цивилизаций. Действительно, традиционность как субстанция, обладающая конкретной качественной определенностью, носит заверченный и абсолютный характер. Она подобна монадам Лейбница, заключающим в себе всю Вселенную. Традиционность уже содержит в себе и смысл, и цель своего существования. Традиционность – это бытие, а не становление. Время с его категориями прошлого – настоящего – будущего является здесь привходящим. В сущности идея традиционности совпадает с идеей истории. И та, и другая выступают в качестве смысловых субстанций, а не хронологических определенностей. Историческое развитие только до известного момента – момента формирования идеала традиционности – имеет выраженный характер средства. После этого, т. е. после окончательной «канонизации» идеала, история превращается в вечную истину этого идеала, трепетное переживание его все новыми поколениями индивидов. В то же время эта предельная определенность выступает в качестве своего рода необходимого предназначения каждого отдельного субъекта, не оставляя ему возможности осуществить личностный выбор на основе внутренней свободы и отсутствия внешних регламентирующих ограничений.

С другой стороны, современности время необходимо. «Ситуация на данный момент» никогда до конца не абсолютна. Прошлое было лишено идеала, настоящее его содержит, но не целиком – отсюда огромное значение приобретает будущее, которое, однако, всегда бывает достаточно туманным. По этой причине для индивида современности характерны существенные проблемы с идентификацией, кроме того, если ценности традиционистских цивилизаций абсолютны, так как проистекают из реально сущего идеала, ценности современной цивилизации все же относительно, поскольку идеал, из которого они

должны произрастать, неопределенен в самом себе, он только ищет свою окончательную абсолютную форму. Соответственно, история все время использует рефлексию как средство для достижения идеала современности, т. е. по сути вся предыдущая история признается неудовлетворительной, поскольку там невозможно этот идеал отыскать и невозможно мыслить саму историю как достаточное основание для понимания ценностей современности в качестве абсолютных. Но именно эта аксиологическая неабсолютность, как уже было отмечено, выступает необходимым условием реализации проекта мультикультурализма вообще и его субъектной формы в частности.

С аксиологическим моментом связано наиболее важное основание противоречия между современностью и традиционностью, именно в его контексте лучше всего просматривается связь данного противоречия с конфликтом цивилизаций, который есть прежде всего конфликт между фундаментальными жизнеопределяющими ценностями различных культурно-цивилизационных систем. «Человек может до определенной степени бороться с пространством, но не со временем. Традиционные социокультурные ценности, основанные на приоритете нации, религии, семьи, формировались тысячелетиями. Сегодня глобальные трансформации не могут разрушить эти ценности так же стремительно, как проникает в эти сообщества автомобиль, компьютер и Интернет» [7, с. 53], – утверждают авторы одной очень интересной работы. Добавим, что, на наш взгляд, эти ценности неразрушимы вовсе, именно потому, что фундируются они на основе достигнутого цивилизационного идеала, реализуемого в мире каждого конкретного субъекта на протяжении всей его жизни. Разумеется, чаще всего это происходит бессознательно, партикулярный человек вполне может не отдавать себе отчета в том, что живет генетически усваиваемой истиной идеала той культурно-цивилизационной системы, к которой он принадлежит. Никакие техногенные блага, предлагаемые современностью, не способны выхолостить из существа человека традиционистской цивилизации архетипического миропредставления, обусловленного его (человека) цивилизационным происхождением. Данный тезис находит эмпирическое подтверждение в современной истории многих традиционистских стран и цивилизаций, которые, вроде бы, увлекшись идеями вестернизации и кемализма, спустя некоторое время с негодованием отвергли эти идеи и возвратились в лоно привычных представлений и практик.

Таким образом, субстанциальные различия между современной цивилизацией, с одной стороны, и традиционистскими цивилизациями, с другой, обуславливают и субстанциальные различия между субъектами, их представляющими. Если субъект современности имеет все возможности для реализации проекта мультикультурализма в

опыте своей жизнедеятельности, то субъект традиционности такой возможности фактически лишен и, главное, он, как правило, в этом нисколько не нуждается, довольствуясь теми нормами, правилами и ценностями, которые ему в готовом виде предлагает метафизический сакральный идеал традиционности. По этой причине мультикультурализм следует, на наш взгляд, рассматривать как исключительно западную идею, возникшую на Западе и только там в обозримом будущем имеющую возможность реализоваться. В этом смысле неосновательными нам представляются идеи некоторых исследователей, полагающих, что посредством диалога между отдельными людьми можно выйти на уровень диалога между различными культурами и цивилизациями, которые находятся в состоянии конфликта. «Как же завязать диалог между мировыми культурами и цивилизациями в условиях, когда и прошлая история, и <...> проблемы новой глобальной цивилизации подпитывают недоверие и провоцируют конфликты между государствами и нациями?» – спрашивают авторы одной из публикаций. «Выход один, – полагают они, – поощрение и развитие диалога между отдельными людьми» [8, с. 117]. Учитывая все вышесказанное, очевидно, что такая позиция по своей сути иллюзорна, поскольку предполагает универсализацию идеи мультикультурализма, что на данном этапе мирового развития представляется невозможным.

Список литературы

1. *Селезнева Е.Н.* Идеи глобализации и мультикультурализма в современной России // Обсерватория культуры. – 2005. – № 6.
2. *Некlessа А.И.* Глобальная трансформация: сущность, генезис, прогноз // Мировая экономика и международные отношения. – 2004. – № 1.
3. *Ушанков В.А.* Модерн, Постмодерн и Патомодерн // Философия хозяйства. – 2004. – № 2.
4. *Бенхабиб С.* Притязания культуры: равенство и разнообразие в глобальную эру. – М., 2003.
5. *Павлова Е.Б.* Понятие мультикультурализма в современном политическом дискурсе / Политическая наука и политические процессы в Российской Федерации и Новых Независимых Государствах. – Екатеринбург, 2005.

6. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. – 1994. – № 1.
7. Делокаров К.Х., Подзигун И.М. Глобализация и социально-философская мысль / Глобализация и философия. – М., 2001.
8. Грачев А., Ломейко В. Встреча цивилизаций: конфликт или диалог? – Париж: Юнеско, 1996